

УДК 811

**ОРНИТОНИМИЧЕСКИЙ КОД РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМАШНИХ ПТИЦ)**

© 2019 г.

С. Лю

Московский государственный областной университет, Москва

lyu.sini@mail.ru

Поступила в редакцию 24.07.2018

Рассматривается орнитонимический код русской и китайской лингвокультур на примере семантической группы «домашние птицы». Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа языковых единиц: языковых метафор, образных сравнений, фразеологизмов и паремий – с компонентом-орнитонимом. Выявлены универсальные и специфические черты орнитонимического кода, который транслируется наименованиями домашних птиц во вторичном семиозисе.

Ключевые слова: лингвокультура, орнитонимический код культуры, символическое значение, сопоставительный анализ, межкультурная коммуникация.

Современная наука рассматривает язык с точки зрения его функционирования, использования человеком. Язык понимается как отражение культуры, психологии и национального менталитета. В связи с этим получило развитие направление в языкознании, изучающее взаимодействие языка и культуры – лингвокультурология. Изучение культуры посредством исследования языковых средств представлено в научных работах последних десятилетий [1–7]. Изучение системы кодов культуры, то есть типов метафорических моделей, которые реализуют стереотипы и символы определённой национальной картины мира [2], становится одним из актуальных научных направлений [8–10]. В этом случае культура понимается как система знаков, «в которой с помощью особых кодов созданы сценарии человеческого поведения, законы социума, религиозные и художественные тексты. В целом всю человеческую культуру можно представить как полиглотичное (многоязыковое) пространство. Именно в культурных знаках человек отбирает и структурирует свои знания о мире и свой опыт. Соответственно разные сферы и типы культуры поразному производят отбор и структурирование информации» [11, с. 3].

Язык и культура являются знаковыми системами, которые находятся в тесном взаимодействии. При этом культура не может существовать и функционировать без языка. Основным средством коммуникации, передачи опыта является язык. Таким образом, язык – базис культуры.

Одним из первых о системе кодов культуры писал Н.И. Толстой. По его мнению, базовым является словесный код, потому что все другие типы кодов могут быть вербализованы [12,

с. 67]. Таким образом, коды культуры можно определить как вербализованные прототипы, которые стали эталонами характеристик человека и окружающей его реальности для определённого национального языка.

Цель данного исследования – выявление орнитонимического кода русского языка на фоне китайской лингвокультуры. Орнитонимический код культуры – это обусловленные культурой стереотипные представления об особенностях поведения или характеристиках птиц, «которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [2, с. 96].

Орнитонимы являются составляющей зоонимического кода, который вербализуется посредством языковых метафор, фразеологизмов и паремий и других образных единиц языка, содержащих компонент-зооним или орнитоним. Зоонимические и орнитонимические образы разных лингвокультур подвергались лингвистическому описанию в работах учёных [13–16, 9], однако орнитонимический код русского языка на фоне китайского изучен недостаточно. В данной статье представлены результаты сравнительного анализа переносных значений орнитонимов русского и китайского языков. Сравнение и сопоставление образов, их символических значений, отражённых в разных языках, позволяет выявить универсальные и национально характерные метафорические модели. Например, универсальной можно назвать модель *кураца* → *глупая женщина*; национально обусловленной *мышь* → *благополучие* (кит.), *красный петух* → *огонь* (рус).

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа зоонимических и орнитонимических образов разных культур могут быть интересны лингвистам, которые занимаются вопросами межкультурной коммуникации, а также переводчикам, культурологам, философам, использоваться в преподавании русского или китайского языков как иностранных.

В качестве материала исследования использованы толковые, фразеологические, семантические словари и словари образных слов русского и китайского языков. В рамках данной статьи мы остановимся на анализе образов некоторых домашних птиц: петуха, утки и гуся – в русском и китайском языках.

Петух, благодаря яркому окрасу перьев, в русской лингвокультуре сравнивается с огнём: *пустить петуха* или *пустить красного петуха* ‘совершить поджог’. Другой его признак – громкое пение – послужил основанием для переносного значения ‘издавать визгливые звуки, когда голос срывается на высокой ноте при пении или во время разговора’, которое реализовано в русских выражениях *давать (пустить) петуха* или *по-петушину* (петь), *петушиный* (голос).

Бойцовский характер петуха, охраняющего свою территорию, в русском языке сравнивается с конфликтным, задиристым человеком, что вербализовано в глаголе *петушиться* ‘вести себя задиристо, как петух’; сочетании *петухом налететь* (на кого-н.) ‘бойко, неожиданно нападать’.

Агрессивный, драчливый характер петуха используется для передачи свойств человека и в китайской лингвокультуре. Однако здесь метафоризируются петушиные бои, в которых проявляется задиристый характер птицы. Они стали символом несерьёзного, лёгкого дела, например, *斗鸡走狗* (букв. *петушиные бои и собачьи бега*) ‘прожигать жизнь, жить в свое удовольствие’; *鸡声鹅斗* (букв.: *крик петухов и драка гусей*) ‘шум, переполох; сумятица’.

Вместе с тем у китайцев агрессивность петуха воспринимается и как положительное качество. Ревностное отношение петуха к границам своей территории в китайской культуре связывают с готовностью вступить в бой, отстаивать свои позиции. Это вербализовано в идиоме *木鸡养到* (букв. *деревянный петух вскормлен для боя*) ‘о большом эрудите или мастере, в совершенстве овладевшем своим ремеслом’. Это устойчивое сочетание используется для характеристики хорошо воспитанного, уравновешенного, но активного, способного даже в агрессивной форме отстаивать свои интересы.

Строчка из известной басни И.А. Крылова «Кукушка и петух» «*кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку*» стала идиомой и добавила *петуху* символическое значение ‘лицемерный, неискренний человек’. Также только русской лингвокультуре свойственно метафорическое значение гордости, актуализированное в выражении *ходить петухом* ‘с гордым и важным видом’. И наоборот, идея незначительности отражена в идиоме *бежать петушком* ‘робко и заискивающе семенить сбоку или позади кого-н.’.

Яркая окраска оперения становится в русском языке основанием для сравнения этой птицы с другими яркими предметами и явлениями: *морской петух* ‘рыба с большими, яркими плавниками, похожими на крылья’; *петушки* ‘яркие растения семейства касатиковых’. Яркий окрас петуха послужил появлению языковой метафоры *петух* ‘красавец-мужчина, любящий ярко и броско одеваться’ и ‘мужчина-гомосексуалист’.

Форма гребня сравнивается с другими схожими по форме предметами: *петуший* (-ья, -ье) ‘рельефный, по форме напоминающий гребень петуха’; *шапка петушком* ‘шапка, похожая на петушиный гребень’.

В китайском языке иначе, чем в русском, актуализируется внешний вид этой домашней птицы. Так, китайцы считают, что у разъярённого, бойцовского петуха косые глаза, поэтому человека с косоглазием называют *斗鸡眼* (букв. *глаза бойцовского петуха*) ‘косоглазый, косой’. Кроме этого, по мнению китайцев, карта Китая по своим очертаниям напоминает фигуру петуха с поднятой головой, это значение отражается в строках детской песни *中国地图像雄鸡, 昂首挺胸真神气* (букв. *китайская карта похожа на петуха, который идёт с высоко поднятой головой*).

Походку с поднятой головой, которую русские связывают с гордостью, китайцы ассоциируют с воодушевлением, а чрезмерную активность птицы связывают с энергичностью. Эти смыслы эксплицированы в идиомах: *闻鸡起舞* (букв. *когда петух кукарекает, человек встаёт и занимается, тренируется, и если Родине нужна помощь, он тоже спешит*) ‘пение петуха вдохновляет, воодушевляет человека на большие героические поступки’; *打鸡血* (букв. *делать укол из крови петуха*) ‘стать чрезмерно возбуждённым, одуреть от радости’. Петух также символизирует твёрдость, упрямство: *脑袋像公鸡, 砍掉还打鸣* (букв. *даже когда отрезали голову петуху, он ещё кукарекает*) ‘упрямый, твердолобый’. Эту поговорку употребляют для характеристики человека, кото-

рый не соглашается ни с кем и считает свою точку зрения самой правильной.

Значение жадности и скупости передаётся в образном словосочетании 铁公鸡 (букв. **железный петух**) ‘супец, скряга, скопидом, эгоист’. Однако этот образ нельзя назвать в полной мере орнитонимическим, так как здесь нет переосмысления внешности или характера птицы, а имеется в виду, что именно из железного (металлического) петуха нельзя вытащить перо, то есть получить какую-то пользу.

Ещё одно переносное значение орнитонима, выявленное в китайской лингвокультуре: ‘оставаться в тени, чтобы избежать беды’ реализовано в фразеологизме 雄鸡断尾 (букв. **петух сам ломает свой хвост, чтобы его не принесли в жертву**). В современном значении этой фразой характеризуют человека, который совершает самоубийство для того, чтобы его не убил враг.

Универсальным для двух языков стало значение **петух** ‘предвестник начала дня’: **до петухов** или **с петухами встать** ‘подняться очень рано, с зарёй’; **вставать с петухами, не ложиться до петухов** и в китайском языке: 犬守夜, 鸡司晨 (букв. **если собака всю ночь сторожит дом хозяина, его хозяйство, то петух всего лишь кукарекает по утрам**); в китайских идиомах может также содержаться значение ‘предвестник начала трудового дня’: 鸡鸣而起 (букв. **петух кукарекает, человек встает**) ‘человек должен рано утром вставать и заниматься делом’. Петух рано засыпает, поэтому в русском языке он не только символ начала дня, но и его раннего окончания: **ложиться, засыпать с петухами** ‘очень рано вечером, с заходом солнца’.

Кукареканье и предвешание начала дня становятся основанием для других символических значений, в которых пение петуха – его основная и важная деятельность. Например, в русском языке: **молодой петух поёт так, как от старого слышал** ‘преемственность’; **на грех мастера нет, а на беду и курица петухом поёт** ‘когда нет нужных средств, используют то, что есть’. В китайском языке ситуация, когда курица пытается заменить петуха, также символизирует несоответствие занимаемого положения: 牝鸡司晨 (букв. **курица (вместо петуха) возвещает рассвет**) ‘жена управляет мужем и его делом, например, фаворитка управляет государством’. Пение петуха может символизировать неотвратимость судьбы: 鸡叫天亮, 鸡不叫天也亮 (букв. **петух кукарекает, значит, рассвело, но если он не кукарекает, всё равно наступит день**) ‘что жизнь нам готовит, всё равно произойдёт’. Также китайцы ассоциируют громкое кукареканье с потоком

знаний и информации: 金鸡三省, 金斗潼关 (букв. **крик петуха слушают в трёх провинциях**) ‘близко расположенные регионы могут влиять на политику или традиции друг друга, так же как близлежащие дворы могут слышать крик одного петуха’.

Петух и курица являются неотъемлемой частью крестьянского хозяйства у разных народов, поэтому орнитонимы часто используются в пословицах и поговорках, связанных с различными жизненными ситуациями, демонстрирующими амбивалентность образов петуха: его низкое положение, драчливость, крикливость, с одной стороны, а с другой – талант (к пению), способность отстаивать свою позицию, способность радоваться тому, что имеешь, например, в китайском языке: 鸡口牛后 (букв. **клюв петуха лучше, чем зад коровы** ср. с рус. **лучше быть первым в деревне, чем последним в городе**) или в русском: **смирну собаку и кочет бьёт** ‘если не оказывать сопротивление, то можно быть побеждённым и более слабым соперником’; **петуху ячменное зернышко жемчужины дороже** ‘оказанная вовремя помощь’; **петух рад лету, пчела – цвету** ‘у каждого свои предпочтения, каждому нужно своё’; **курице не пету петухом** ‘невозможно сделать то, к чему нет способности’.

Таким образом, переносные значения, передаваемые орнитонимом **петух**, имеют значительные различия в русской и китайской лингвокультурах. В русском языке этот образ скорее отрицательный, а в китайском – тяготеет к положительному. Для русских **петух** прежде всего символ агрессии, крикливости, конфликтности и драчливости, а для китайцев – энергичности, бойцовского, упрямого характера. В обоих языках актуализируется значение **петуха** как предвестника начала дня и его раннего окончания.

Утка в русском языке во многих выражениях символизирует нечто ложное: языковая метафора **утка** ‘ложная сенсационная информация’; **пустить утку** ‘распространить заведомо ложную информацию’; **газетная утка** ‘ложь, опубликованная в газете для привлечения читателей’; **подсадная утка** ‘человек, который, выполняя специальное задание, выдает себя не за того, кем является на самом деле, с тем чтобы выведать какие-либо тайны, секреты и разоблачить преступника’.

По сходству с фигурой утки в русском языке появилось переносное значение слова **утка** ‘посуда с длинным носом для приема мочи у лежащих больных’. Также в русском языке благодаря названию известной сказки Г.-Х. Андерсена есть идиома **гадкий утёнок** со значением ‘некраси-

вый ребёнок, который во взрослом возрасте превратился в привлекательного человека’.

Как и *курица*, *утка* в русском культурном пространстве обозначает отсутствие способностей: *сколько утка ни бодрись, а лебедем не быть* ‘можно много стараться, но если нет способностей, то успеха не добиться’; *утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, а корова в рогоже, да всех дороже* ‘важны не украшения, а то, какая польза’. Этот образ, как и образ курицы, символизирует отсутствие ума, обозначает глупого человека, как, например, в идиоме *вумный как утка*, где эпентеза *в (вумный)* придаёт идиоме ироническое звучание, указывая на смысл, противоположный значению слова *вумный*.

В китайском языке устойчивых выражений, в которых представлено слово *утка*, не так много, но они активно употребляются в речи. Так, человека, не умеющего плавать, сравнивают с уткой, которая выращена на земле и не знает воды: 旱鸭子 (букв. *сухопутная утка*) ‘человек, который не умеет плавать’.

Утка как прожорливая птица в русском языке становится символом чего-л/кого-л., требующего вложения большого количества средств без возможности получить результат: *утиного зоба не накормишь* ‘неоправданно большие вложения’. Китайцы, напротив, прожорливость утки связали с положительным явлением, а именно с поглощением знаний: 填鸭 (букв. *откармливать утку, насильно проталкивая ей специально приготовленный корм*) ‘вбивать в голову’; 填鸭式教育 (букв. *метод образования, подобный откармливанию утки*) ‘метод обучения, который заключается в «разжёвывании» материала’.

Ситуации, связанные с жизнью и поведением птицы, используются в пословицах и поговорках, например, рус.: *не считай утят, пока не вывелись* ‘не нужно думать о выгоде, пока не закончено дело’ (ср. с рус. *цыплят по осени считают*); *утя без воды – пьяница без вина* ‘для каждого важно своё’ и кит.: 趋之若鹜 (букв. *ринуться стаями, как утки*) ‘налететь со всех сторон, жаждать заполучить’.

И русские, и китайцы отметили особенность утиной походки, характерной для некоторых людей, что послужило основой для называния неторопливой, покачивающейся походки *утиной*, например, рус.: *ходить уточкой (как уточка)* и кит.: 鹅行鸭步 (букв. *ходить как гусь, шагать как утка*) ‘брести, ковылять, с трудом передвигаться’.

Для китайского национального языкового сознания *утка* в первую очередь – домашняя птица,

которая плохо летает и медленно ходит. Поэтому быстро передвигающаяся утка стала символом чего-то невозможного, нереального: 赶鸭子上架 (букв. *гнать утку на насест*) ‘требовать невозможного’. В поговорке 煮熟的鸭子飞了 (букв. *сваренная утка улетела*) ‘выпустить удачу из рук или упустить хороший шанс’ этот образ усиливается тем, что утка ещё и сваренная.

Гусь также имеет образные значения в обеих сравниваемых лингвокультурах. В русской он в первую очередь символизирует бесосновательную гордость, высокомерие: *гусь свинье не товарищ* ‘люди разных социальных пластов не могут быть друзьями’, применяется в ироническом смысле: так говорят о человеке, который, не имея на то причин, думает, что он лучше других. Гусь и свинья – животные, которые традиционно являются частью домашнего хозяйства и имеют один уровень значимости. Однако гусь, который имеет длинную шею, как будто задирает голову, стал основанием для образного переосмысления и обозначения высокомерного человека в выражениях: *хорош гусь* ‘ненадёжный человек’, *гусь лапчатый* ‘хитрый человек, обманщик’.

Выражение *как с гуся вода* в значении ‘воспринимать безразлично’ связано с тем, что у водоплавающих птиц перья не намокают и вода стекает с них. К этому же образному основанию относится идиома *выйти сухим из воды* ‘остаться безнаказанным’. Оно применяется по отношению к людям, которым все проступки сходят с рук, остаются без последствий.

Особенность передвижения гусей по суше также стала объектом образного переосмысления в сравниваемых лингвокультурах: рус. *гусиным шагом* ‘идти на согнутых ногах’ – спортивное упражнение; и кит. 鹅行鸭步 (букв. *ходить как гусь, шагать как утка*) ‘брести, ковылять, с трудом передвигаться’. В то же время в русском языке гусиным шагом называют манерную театральную поступь, а также одну из форм парадного военного шага.

В Китае метафорически переосмыслиется не только образ *гуся*, но и *гусиного пера* как чего-то маленького: 鹅毛 (букв.: *гусиное перо*) ‘пустяк, мелочь’. По сходству цвета и формы это сочетание передаёт значение ‘хлопья снега, снег’; 千里送鹅毛, 礼轻人意(情)重 (букв. *за тысячу ли принёс этот пустяк – подарок мал, но чувства глубоки*) ‘примите этот пустяк в знак моего глубокого к Вам уважения’.

В Китае метафорическую разработку получил и образ *дикого гуся* с совершенно другими символическими значениями, так как он свободен и умеет летать. Дикого гуся в Китае называют 雁

(букв.: *гусь белолобый*). Китайцы больше уважают и любят дикого гуся, поэтому он – исключительно положительный образ. Дикая гусь означает особенность происхождения: *雁归湖滨, 鸡落草棚* (букв. *дикая гусь вернётся в озеро, а курица вернётся в курятник*) ‘о благородном и хутородном’. С древних времён эта птица символизирует известие: *雁足* (букв. *дикая гусиная лапка*) ‘послание, весть’; *雁去鱼来* (букв. *дикая гусь улетел и рыба приплыла*) ‘дикая гусь и рыба обозначают новость’.

Стая диких гусей всегда летит сплоченно в определённом порядке, что стало основанием для метафор: *雁序* (букв. *строй летящих гусей*) ‘дружные братья’; *雁行失序* (букв. *строй летящих гусей не в порядке*) ‘разлука братьев в связи со смертью одного из них’; *雁行鱼贯* (букв. *вереница диких гусей и косяк рыб*) ‘один за другим, вереницей, непрерывно’; *断雁孤鸿* (букв. *дикая гусь отбилась от стаи*) ‘одиноким мужчиной’.

Сочетание *дикая гусь* содержится в некоторых пословицах и поговорках китайского языка, которые характеризуют какие-л. жизненные ситуации, но не несут в себе символических значений орнитонима: *雁过拔毛* (букв. *вырвать перо у пролетающего гуся*) ‘своего не упустить, проявить жадность, хваткость’; *遥指空中雁做羹* (букв. *указывая издали пальцем на летящего в воздухе дикого гуся, варить из него похлёбку*) ‘лицемерие’; *沉鱼落雁* (букв. *даже рыбу заставит погрузиться вглубь, а летящего гуся опуститься на землю*) ‘о красавице, перед красотой которой никто не может устоять’.

Домашний гусь и в русской, и в китайской лингвокультурах имеет одинаково сниженную оценку, тогда как дикая гусь в китайском языке всегда оценивается высоко. То есть это два совершенно разных образа, что доказывается разными иероглифическими обозначениями понятий *дикая гусь* и *домашний гусь*.

Домашние птицы близки человеку, его быту и жизнедеятельности. Именно поэтому наименования домашних птиц стали объектом метафорического переосмысления во всех культурах. Однако, несмотря на универсальность метафорической модели, символические значения орнитонимов могут иметь существенные отличия. «Подобные факты дивергенции демонстрируют своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных связей и представлений» [9]. Сопоставление образов домашних птиц, их символических значений, воплощённых в разных языках, раскрывает особенности каждой

культуры, позволяет ярко и образно представить национальную картину мира во всех её красках.

В ходе проведённого анализа выявлено, что даже в языках, не имеющих родства, таких как русский и китайский, больше общих символических значений, чем различных. Это говорит об универсальности зоонимического кода, который проявляется в том числе и во вторичном использовании наименований домашних птиц, что объясняется их общим хозяйственным назначением: например, курицы несут яйца, а петухи будят по утрам. Различия переносных значений птиц обусловлены их характеристиками, не связанными с практическим применением. Так, для русских актуален внешний вид, цвет птиц, для китайцев внешность менее важна, большее внимание они обращают на поведение.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 5–11.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012. 456 с.
5. Юрина Е.А., Грекова М.В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 126–143.
6. Маркова Е.М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Русская филология. 2013. № 1. Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/296> (дата обращения: 23.06.2016).
7. Гудков Д.Б. Коды культуры и система естественного языка // Русистика без границ. 2017. № 1. С. 64–73.
8. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 21 с.
9. Маркова Е.М. Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия // Вестник Томского государственного политехнического университета. 2015. № 4 (42). С. 98–105.
10. Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 63–80.
11. Осипова Н.О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал. Электронное периодическое издание. 2011. № 3 (5) (дата обращения: 28.07.2017).

12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 262 с.
13. Чжэн И. Названия животных в русском языке: опыт системного анализа. М.: Лазурь, 2002. 504 с.
14. Бичер О. Русские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом (на фоне турецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 158 с.
15. Цуй Ч. Сравнительный анализ образов животных в китайском и русском языках // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 55–60.
16. Ширшова Н.С. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: лингвокультурный и семантический аспекты. Тобольск: Тобольская соц.-пед. акад. Д.И. Менделеева, 2014. 51 с.

ORNITHONYMIC CODE OF RUSSIAN AND CHINESE CULTURAL LINGUISTICS AS REFLECTED IN POULTRY NAMES

S. Lyu

The article discusses the ornithonymic code of the Russian and Chinese cultures using the example of the semantic group of «poultry». We present the results of comparative analysis of linguistic units: linguistic metaphors, figurative comparisons, idioms and proverbs containing ornithonyms. Some universal and specific features of the ornithonymic code, which is translated by the names of domestic birds in the secondary semiosis, are revealed.

Keywords: cultural linguistics, zoonym, ornithonym, zoonymic culture code, symbolic meaning, comparative analysis, poultry names, intercultural communication.

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.
2. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.
3. Alefirenko N.F. Stereotipy i prototipy v etnokul'turnom prostranstve yazyka // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. № 24 (95). S. 5–11.
4. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii. Kody kul'tury. M.: URSS, 2012. 456 s.
5. Yurina E.A., Grekova M.V. Kul'turologicheskij kommentarij v «Slovare russkoj kulinarnoj metafory» (na materiale tematicheskoy gruppy «Molochnye produkty») // Yazyk i kul'tura. 2014. № 4 (28). S. 126–143.
6. Markova E.M. Kul'turnye konnotacii vtorichnyh nominacij pri obuchenii russkomu yazyku kak inoslavyanskomu [Elektronnyj resurs] // Vestnik MGOU. Russkaya filologiya. 2013. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/296> (data obrashcheniya: 23.06.2016).
7. Gudkov D.B. Kody kul'tury i sistema estestvennogo yazyka // Rusistika bez granic. 2017. № 1. S. 64–73.
8. Kapelyushnik E.V. Kulinarnyj kod kul'tury v semantike obraznyh sredstv yazyka: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2012. 21 s.
9. Markova E.M. Leksikony sovremennyh slavyanskih yazykov: skhodstva i razlichiya // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. 2015. № 4 (42). S. 98–105.
10. Yurina E.A. Russkaya pishchevaya tradiciya v zerkale yazykovykh obrazov: opyt leksikograficheskoy prezentacii // Voprosy leksikografii. 2013. № 1 (3). S. 63–80.
11. Osipova N.O. Strukturno-semioticheskij podhod kak aspekt metodologii gumanitarnogo znaniya // Kul'turologicheskij zhurnal. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. 2011. № 3(5) (data obrashcheniya: 28.07.2017).
12. Tolstoj N.I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Oчерки po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. M.: Indrik, 1995. 262 s.
13. Chzhen I. Nazvaniya zhivotnyh v russkom yazyke: opyt sistemnogo analiza. M.: Lazur', 2002. 504 s.
14. Bicher O. Russkie posloviцы i pogovorki s komponentom-zoonimom (na fone tureckogo yazyka): Dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk, 2015. 158 s.
15. Cuj Ch. Sravnitel'nyj analiz obrazov zhivotnyh v kitajskom i russkom yazykah // Aktual'nye voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: Materialy mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, 2012. S. 55–60.
16. Shirshova N.S. Frazeologicheskie edinicy s komponentom-zoonimom: lingvokul'turnyj i semanticheskie aspekty. Tobol'sk: Tobol'skaya soc.-ped. akad. D.I. Mendeleeva, 2014. 51 s.